

Тини-тини, потягивай

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить.

— Ну, — говорят, — теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не украл!

— У меня все будет цело! — стала похваться одна старушка. — Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!

Похвальные речи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья!

Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат и вздумали поживиться чужим добром.

— Слушай, товарищ! — говорит один. — Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить.

Сказано — сделано.

Подошел солдат к старухе:

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?

— Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем.

— И-и, родимый, служба-то ваша куда мудрена!

— А я, бабушка, к тебе с запросом: вижу, ты — человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно.

— Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!

— То-то! Прозвони-ка, бабушка, по-вашему.

— По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!

— Не много разницы! А у нас, бабушка, звонят пореже.

Солдат махнул товарищу рукою и зазвонил:

— Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!

Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков!

— Ну, служивый, — говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, — звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!

— А вот ужо — еще не так посмеешься! Прощай, бабушка!

— С богом, родимый!

Вечером стали бабы холсты считать: у старухи нет одного.

Правду сказал солдат.